

тыямі. У лістападзе 1917 г. стварэння «аднастайнага сацыялістычнага ўрада» запатрабаваў Усерасійскі выканаўчы камітэт чыгуначнага прафсаюза (Викжель). Абмеркаванне пытання аб кааліцыі прывяло да сур'ёзнага крызісу ў кіраўніцтве партыі бальшавікоў, што кажа аб надзвычайнай важнасці пытання. На пэўным этапе сур'ёзную становчую ролю адыграў блок бальшавікоў і левых эсэраў, у многіх раёнах існавалі аб'яднаныя бальшавіцка-меншавіцкія партыйныя арганізацыі. Але ў цэлым сацыялістычныя сілы былі занадта разнастайныя, і па цэлым шэрагу як аб'ектыўных, так і суб'ектыўных прычын, шырокая кааліцыя сацыялістычных сіл у канцы 1917 – пачатку 1918 гг. не рэалізавалася на практыцы. Спрацавалі старыя і новыя рознагалосці, палітычны максіmalізм бальшавікоў, непрыманне іх метадаў іншымі сацыялістычнымі партыямі. Меншавікі і эсэры марылі стаць «трэцяй сілай», а бальшавікі хацелі застацца адзінай сілай, якая вызначае грамадска-палітычнае развіццё краіны.

У нацыянальных рэгіёнах, у тым ліку і ў Беларусі, агульныя праблемы пагаршаліся нявырашанасцю і глыбінёй нацыянальнага пытання. Як ужо было адзначана лютаўскія падзеі ў Расіі паслужылі свайго роду каталізатарам для стварэння шматлікіх нацыянальных партый, арганізацый і груп, кожная з якіх імкнулася рэалізаваць сваю праграму і ўзначаліць нацыянальны рух. Канчатковай мэтай усякага падобнага руху з'яўляецца стварэнне незалежнай дзяржавы. У перыяд лютага – кастрычніка 1917 г. большасць беларускіх нацыянальных партый і арганізацый (Беларуская народная партыя сацыялістаў, Беларуская Сацыялістычная Грамада, Беларуская народная грамада і інш.) спалучалі ў сваіх праграмах, з аднаго боку, сацыялістычныя ідэі, а з другога – рэфармісцкія ўяўленні аб шляхах сацыялістычнай перабудовы грамадства. Яны выступілі ў падтрымку Часовага ўрада і ўзнялі патрабаванне аўтаноміі Беларусі ў складзе Расійскай федэратыўна-дэмакратычнай рэспублікі.

Кастрычніцкая рэвалюцыя ў Петраградзе яшчэ ў большай ступені стымулявала імкненне беларусаў да адраджэння ўласнай дзяржавы, тым больш што ў праграмных дакументах РСДРП(б) (пазней – РКП(б)) і ў першых актах Савецкай улады абвяшчалася права народаў на самавызначэнне, аж да аддзялення і стварэння незалежных дзяржаў. Аднак на практыцы Абласны выканаўчы камітэт Заходняй вобласці і Заходняга фронту (Аблвыкамзах), які ажыццяўляў уладу ў Мінску ад імя бальшавікоў, выступаў супраць беларускага нацыянальнага адраджэння. У такой сітуацыі лідары нацыянальнага руху прапанавалі абвясціць Беларусь незалежнай дэмакратычнай рэспублікай з перадачай усёй улады

Краёвай Радзе. Для канчатковага вырашэння пытання пра беларускую дзяржаўнасць 15–17 снежня 1917 г. быў скліканы Усебеларускі з'езд. Сярод яго дэлегатаў выявілася некалькі альтэрнатыўных варыянтаў вырашэння дадзенай праблемы. Такое развіццё падзей супярэчыла інтарэсам бальшавіцкага кіраўніцтва Заходняй вобласці і фронту, і таму з'езд быў разлаганы.

Далейшыя падзеі (наступ нямецкіх войскаў на Беларусь, падпісанне сепаратнага мірнага дагавора паміж Савецкай Расіяй і Германіяй, абвешчэнне Беларускай Народнай Рэспублікі) прывялі да расколу ў беларускім нацыянальным руху, што, у сваю чаргу, негатыўна адбілася на яго далейшым лёсе. З прычыны знешніх і ўнутраных фактараў у Расіі і Беларусі ў 1917–1918 гг. з усіх магчымых альтэрнатыў грамадска-палітычнага развіцця рэалізаваўся сацыялістычны варыянт, прапанаваны бальшавікамі. Гэта ў сваю чаргу паўплывала на рашэнне праблемы нацыянальнай дзяржаўнасці і самавызначэння Беларусі ў яе савецкім варыянце.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кобрын, М.У. Беларускі нацыянальны рух: 1917–1920 / М.У. Кобрын. – Мінск : Беларус. выд. т-ва «Хата», 2004. – 95 с.
2. Макарова, Т.П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г. : Восточные районы / Т.П. Макарова. – М. : Наука, 1979. – 224 с.
3. Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? / под ред. П.В. Волобуева. – М. : Политиздат, 1991. – 240 с.
4. Революционное движение в России после свержения самодержавия: документы и материалы / под ред. Л.С. Гапоненко. – М. : Акад. наук СССР, 1957. – 857 с.
5. Рудовіч, С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 201 с.

УДК 94(82)(=161.3)

С.В. Шабельцев

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОНИМА «БЕЛОРУСЫ» В ЭМИГРАНТСКОЙ СРЕДЕ В АРГЕНТИНЕ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила общественно-политический строй на просторах бывшей Российской империи. Одним из важных новшеств стала национальная политика коммунистической партии, провозгласившей равенство всех народов и

допустившей формирование национальных республик (в том числе и Белорусской), которые в 1922 г. были объединены в составе СССР. Такие кардинальные изменения неизбежно отразились на этническом самосознании белорусов как в самой Беларуси, так и за ее пределами. Национальная политика московского правительства вела к трансформации понятия «белорус» и в Аргентине: в этой стране сложилось белорусское сообщество переселенцев из Западной Беларуси, которая в 1921–1939 гг. являлась частью межвоенной Польши.

В период существования Российской империи с середины XIX в. на территории Беларуси царские власти проводили политику православизации, с последующей русификацией края: католиков стремились перевести в православие, параллельно вытесняя из общественной жизни польский язык и расширяя сферу употребления литературного русского языка. Уроженцы сельской местности современной Беларуси различались по вероисповеданию и разговаривали в основном на диалектах белорусского языка. Но вопрос: «Кем ты являешься?» – часто вызывал у крестьянина затруднения, и он мог ответить: «тутэйшы» [1, с. 21, 97–98], иногда добавляя, что он «русский» (если православный) или «поляк» (если католик).

Национальная политика имперских властей по отношению крестьян в Беларуси была непоследовательна. С одной стороны, наблюдалось стремление представить край как абсолютно белорусский, что подразумевало «русский», поскольку белорусы (наравне с «великороссами» и «малороссами») рассматривались как часть («племя») триединого русского народа. В ходе переписи 1897 г. крестьян, говоривших по-белорусски (как православных, так и католиков), записывали белорусами. В результате, в Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской, Виленской и Ковенской губерниях насчитали 5 408 тыс. белорусов, из которых 1026,6 тыс. (18 %) являлись католиками. 2/3 записанных в белорусы католиков проживало в Виленской и Гродненской губернии [2, с. 38, 41]. С другой стороны, российские чиновники при осуществлении своей власти часто всех католиков считали поляками и проводили по отношению к ним дискриминационную политику.

Польские исследователи охарактеризовали перепись 1897 г. как тенденциозную и искажавшую реальность, поскольку в число поляков записывали только интеллигенцию и землевладельцев, которые владели литературным польским языком. А жителей деревни, которые использовали белорусско-польские говоры, автоматически относили к белорусам, что снижало общее количество польского населения. По мнению П. Эберхардта, значительная часть тогдашних жителей Гродненской и Виленской губерний имела литовское происхождение: в результате сла-

вянизации они утратили литовский язык в пользу польско-белорусского местного говора. Но от белорусов это население отделялось католицизмом, и для него польская культура была более привлекательна, чем культура православных белорусов. Перемешанный с польским языком белорусский говор определялся «жителями деревни как «тутэйшы» язык, и таким образом эта особенность теряет основное предназначение как примета национальности, особенно потому, что локальные диалекты подвергались быстрым изменениям <...> Крестьянин-католик, который употребляет славянские диалекты и который живет на литовско-белорусском пограничье, становится окончательно поляком, а православный крестьянин, что живет в границах бывшей Речи Посполитой, – на большой территории бывшего Великого Княжества Литовского – белорусом» [3, с. 30–31].

Доступные нам российские документы, которые описывают миграцию в империи, показывают, что православные и католики на территории современной Республики Беларусь различались по своему поведению и российские чиновники часто их не просто не смешивали, а даже противопоставляли. При этом «белорусами» чиновники называли только православных. Например, в тот же год, когда проводилась всероссийская перепись (1897 г.), витебский губернатор писал о прекращении переселения крестьян на территорию Сибири: «и в этом нельзя не видеть большого счастья для губернии, потому что это значительное по размерам движение притягивало главным образом коренное население – белорусов, а католики, литовцы и латыши на переселение записывались мало, что для Витебской губернии виделось явлением печальным и ненормальным» [4, с. 816]. То есть, витебский губернатор, во-первых, католиков губернии белорусами не считает, а во-вторых, в вопросе переселения в Сибирь видит отличие поведения белорусов от того, как ведут себя латыши, литовцы и католики.

Не объединяются воедино православные с католиками и в исследовании эмиграции из Виленской губернии (1912 г.). Л. Офросимов отмечает, что часть населения губернии стремится эмигрировать на запад, а другая – уехать в Сибирь. Объясняется этот факт «племенным составом» губернии, когда «чисто русское православное население за границу едет неохотно»: белорусы стремятся «сидеть дома» или едут в Сибирь, Ригу и Петербург. «Ополяченные же и обруселые литовцы» массово эмигрируют в Америку. При этом в доказательство своего вывода Л. Офросимов приводит религиозный состав эмигрантов: «Из указанного числа – 17 680 лиц, уехавших в Виленской губернии за границу – 14 960 человек р.-католиков, и лишь 2 690 человек православных

и 30 человек старообрядцев» [5, с. 5–6]. Показательно, что язык является идентифицирующим фактором только для определения литовцев. Л. Офросимов говорит о белорусах как о местной разновидности «чисто православного населения». Кстати, Л. Офросимов заметил, что официальные данные процентного состава национальностей по Виленской губернии (они базировались, как известно, на основании языка) неверны.

Если затрагивать эмиграцию из Российской империи в Аргентину, то о белорусах в то время речь велась только как о разновидности православного «русского» населения. По данным руководства православной церкви при Российской миссии, находившейся в Буэнос-Айресе, белорусы среди православных в период с 1909 по 1913 гг. составляли 25–30 % (55–70 % украинцы и 8–10 % великороссы) [6, л. 171–172]. Вероятно, священники в Буэнос-Айресе определяли их как белорусов по языку. Белорусское самосознание у них было невысоким, эти эмигранты были немногочисленны (до 3 тыс. человек), до 1914 г. не создали ни одной белорусской общественной организации.

Взгляд на белорусов изменился после Октябрьской революции. В СССР была отброшена прежняя теория о триедином русском народе, а, например, термины «великороссы» и «малороссы» уже считались анахронизмами. Согласно новой доктрине русские, украинцы и белорусы – это пусть и близкие, но отдельные этносы со своей отличительной культурой. То есть, белорусы признавались самостоятельным народом, а не одним из русских «племен». Советские руководители, учитывая этнические особенности населения, на территории проживания того или иного народа создавали национальные республики (например, Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР)). При этом советская концепция предполагала не только объединение людей одной культуры в своем государстве (или государственном образовании в виде национальной республики или округа), она предписывала построение коммунистического общества всеобщего равенства. Тем самым белорусский проект в виде БССР имел как этническое, так и идеологическое наполнение. В этой связи Советская Беларусь становилась привлекательной моделью общественного устройства для значительной части населения Западной Беларуси, оказавшегося после 1921 г. в составе Польши, где господствовали «буржуазные порядки».

В межвоенный период (1921–1939 гг.) в Аргентину белорусы переезжали только из Польши. Все эмигранты из этой страны, вне зависимости от их этнической принадлежности, в Аргентине назывались «поляк»: «местное население никогда не хотело различать, кто поляк, кто литовец, кто украинец, кто белорус. У них одна характеристика – «по-

ляк»» [7, с. 202]. В определении количества белорусов межвоенного периода переселения в Аргентину сошлемся на польского исследователя Ч. Пактача, который оперировал цифрой в 220 тыс. польских граждан в Аргентине (в конце 1930-х гг.), среди которых евреев – 100 тыс., поляков – 50 тыс., украинцев – 50 тыс., белорусов – 20 тыс. [8, р. 120].

Отправляясь в поиски белорусской идентичности жителей Аргентины, приехавших в 1921–1939 гг., стоит обратиться к исторически первому, распространенному еще в Российской империи, пониманию того, что белорус – это разновидность православного «русского». У части эмигрантов такое устоявшееся представление было актуальным. Православный священник Валентин Ивашевич (родом из Полесья) отметил, что он русский, а белорусами и украинцами не назывались – все русские. То же представление о единстве всех православных «русских» продемонстрировала и активный член белорусских просоветских обществ в Аргентине Анна Споровец. В 1984 г. в газете «Родной голос» она обратилась с призывом к «соотечественникам» жертвовать на православный Храм в честь всех святых в земле российской просиявших в г. Лянус (пригород Буэнос-Айреса): «хочется, чтобы и наша совесть была также оправданной перед Христом, людьми нашими, проживающими здесь в Аргентине, и нашим великим русско-православным народом» [9]. Обозначая свою принадлежность к «русско-православному» народу, А. Споровец, дочь полешука из-под Дрогичина, знала, как и В. Ивашевич, что она, по крайней мере, по ассоциации с местностью, белоруска: в середине 1950-х гг. она переехала в БССР, но через несколько лет вернулась в Аргентину.

Старая имперская трактовка о триедином русском народе продолжала действовать в Аргентине не только среди эмигрантов-белорусов, но и у части украинцев из Волыни (регион Западной Украины). Происшедшие геополитические изменения, которые привели в 1921 г. к отделению Западной Беларуси и Волыни от «России» (как они в просторечье называли СССР), ими воспринимались как нарушение нормы. «Белорусско-волынский конгломерат» в Аргентине представлял собой совокупность людей, которые могут поговорить между собой на родном языке без переводчика, отметить православный праздник, повспоминать о прошлом. Когда необходимо было как-то себя определить, эти православные эмигранты называли себя «русо» («русскими»). Они знали, что разделяются на белорусов и украинцев в зависимости от своего языка и/или территории происхождения, но при этом могли рассматривать себя как единый народ. Например, в 1942 г. правление украинско-белорусского культурного общества в Касеросе (пригород Буэнос-Айреса) обратилось че-

поляк». Белорусская идентификация католиков уроженцами Западной Беларуси воспринималась как нетипичное явление: «В Буэнос-Айресе тоже развозили разные овощи, фрукты, хлеб. И приехал тот, кто хлеб развозил, белорус из-под Вильно. Белорус Дрозд, но католик. Он добрая душа, мы переехали к ним» [17, с. 320]. С другой стороны, многие католики из Западной Беларуси были уроженцами тех мест, где были распространены диалекты, близкие к литературному белорусскому языку. Таким образом, в случае просоветской ориентации для них было естественным объединение с православными земляками (на основе политического и культурного единства). Именно католики были инициаторами создания в 1934 г. первого в Аргентине белорусского общества «Беларуская Культурна-Прасветная Грамада». Перед этим произошел их разрыв с польским обществом, поскольку «белорусы не хотели служить тем, от кого должны были уехать со своей родины» [18, с. 29–30].

Зафиксируем составную позицию организаторов первого белорусского общества: их приверженность национальной культуре и политическое отторжение Польши. Во-первых, члены созданного общества использовали белорусский язык в названии организации. Во-вторых, недовольство социально-политическим устройством польского государства толкало этих эмигрантов, исходя из чувства противоречия, к просоветской ориентации. В «социалистическом» СССР существовала БССР и провозглашалось развитие белорусской культуры.

Ориентация белорусов на СССР определенно содействовала укреплению их национального самосознания. Советское федеративное устройство позволяло говорить о развитии государственности белорусов в рамках БССР. Эмигранты в Аргентине находили разнообразные подтверждения того, что белорусский народ является равным другим народам и имеет собственные атрибуты государственности. В рамках советского национального дискурса белорусы становились полноценной, равной остальным нацией, что давало основания для уничижительной критики русских белоэмигрантов: «В царской России когда-то эти господа украинцев называли малороссами, а про белорусов даже совсем не упоминали. Белорусы были вычеркнуты из истории. Эти господа тогда старались русифицировать украинское и белорусское население, а теперь свою «культуру» хотят в массы проводить. Поздно вы, господа, обдумались учить белорусов» [19]. Обвинения в национальном притеснении звучали и в адрес польского посольства в Аргентине, которое «недоброжелательно относилось к развитию национального самосознания украинцев и белорусов» [20, с. 82]. Те белоэмигранты, которые во время Второй мировой войны перешли на просоветские позиции, вынужде-

ны были принять и признание белорусов как нации. Например, журнал «Звено» (Буэнос-Айрес) в 1946 г. писал о положении в Аргентине: «Все, буквально все: сирийцы и французы, украинцы и англичане, белорусы и американцы, евреи и бельгийцы и проч. и проч. – все имеют свои общества и организации» [21]. В представленном перечислении народов белорусы выглядят такими же как и все остальные (равными, в том числе, и русским, а не «ответвлением» последних).

В 1939 г. после присоединения Западной Беларуси к СССР у многих белорусов возникло страстное желание вернуться в родные места, где существует «самый справедливый социальный строй на земле». Этому помешало начало Великой Отечественной войны, что вызвало всплеск активности эмигрантов, которые сплотились и приняли участие в движении поддержки СССР. Работа в комитетах помощи и обществах, носивших название «белорусские», последующее участие в конгрессах славян, где белорусы демонстрировали себя в качестве отдельного народа, повышали уровень белорусского самосознания у эмигрантов. Однако это не отменяло структурной сложности их идентификации: если раньше понималось, что белорусы – это разновидность «русских», то теперь считали, что они разновидность советских людей. При этом термины «русо» и «советико» аргентинцами, да и самими эмигрантами часто отождествлялись, поскольку бытовало представление, что СССР – это «Советская Россия».

В последующее после 1945 г. десятилетие советская ангажированность белорусов в Аргентине усилилась. Этому способствовало Посольство СССР, которое появилось в Буэнос-Айресе в 1946 г. Теперь эмигранты смогли поменять свои прежние польские паспорта на советские, и превращались из «поляк» в «советико». В заполняемых в посольстве анкетах указывалась национальность, и уроженцы Беларуси записывались как белорусы. На бытовом уровне белорусы в Аргентине могли называться по-прежнему «поляк» и «русо», но многие из них осознавали себя белорусами. Потомки эмигрантов также знали о своем белорусском происхождении: в просоветских клубах в Аргентине последовательно проповедовался интернационализм, и белорусы (в том числе и дети) на мероприятиях демонстрировали свою национальную самобытность.

В некоторых регионах Аргентины советское влияние на белорусов было слабым (что было редким явлением). В этом случае сохранялись прежние представления о белорусах как о части русских, характерные для времен Российской империи. Примером последнего может служить Русская община («Colectividad Rusa») в Мисьонесе. В этом отдаленном

северном штате живут украинцы и белорусы, но постоянной просоветской организации не существовало. В 1987 г. в Миссьонесе было создано сообщество, состоящее из украинцев, белорусов и русских, оно стало называться Русской общиной, которая в качестве символа также использовала советский красный флаг.

Приведенный анализ эмигрантов в Аргентине показывает, что, как правило, «белорусскость» являлась частью их сложной идентификационной структуры. До Октябрьской революции белорусами называли православных эмигрантов, рассматривая их как часть «триединого русского народа». Но после установления коммунистической власти белорус – это представитель, составная часть советского народа. Повышался уровень белорусского самосознания, чему способствовала политическая ориентация на СССР, в составе которого была БССР. Активность в проявлении своей этничности близких им народов (в первую очередь, украинцев) толкала белорусов на поиски собственной идентичности, которую они находили в особенностях своей культуры. И в качестве отдельного народа белорусы проявили себя в движении помощи СССР и в славянском движении в Аргентине.

Список использованных источников

1. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / Собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном : в 3 т. – Т. 3 : Описание жилища, одежды, пищи, занятий, препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. / П. Штейн. – Санкт-Петербург : Тип. император. Акад. наук, 1887–1902. – 535 с.
2. Смалянчук, А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Смалянчук. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.
3. Эбэрхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1898–1989 г. / П. Эбэрхардт. – Мінск : Беларус. фонд Сораса, 1997. – 277 с.
4. З справаздачы губернатара цару. Масавы перасяленчы рух і хваляванні сялян-перасяленцаў Віцебскай губерні // Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Том II (1772 – 1903 гг.) / Н. Нікольскі (гал. рэд.) – Мінск : Акад. навук БССР. – 1940. – 940 с.
5. Офросимов, Л.С. Отхожий промысел за океан. Обследование Виленской губернии / Л.С. Офросимов. – Вильна : Электро-тип. М.Ш. Гродзенскага, 1912. – 28 с.
6. Ціхаміраў, А.В. Беларуская эміграцыя. 90-я гады XIX ст. – 1917 г. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А.В. Ціхаміраў. – Мінск, 1993. – 255 л.
7. Романович, В.А. Воспоминания / В.А. Романович // Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.). Зборнік

дакументаў і ўспамінаў / С. Шабельцаў (склад.). – Мінск : Медысонт, 2009. – С. 199–227.

8. Paktacz Czeslaw. Ukraińcy w Polskich Siłach Zbrojnych w czasie II wojny światowej // Polska – Ukraina: trudne pytania. – Т. 9 – Warszawa, 2002. – 220 р.
9. Споровец, А. Обращение к соотечественникам / А. Споровец // Родной голос. – 1984. – 29 марта.
10. Ткач, В. Украинско-белорусское культурное общество в Касерос / В. Ткач // Беларус. илюстрир. календарь на 1943 г. – 1942. – С. 109–111.
11. Беларуский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 43.
12. БГАМЛИ. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 44.
13. Предисловие // Беларус. илюстрир. календарь на 1941 г. – 1940. – С. 5–6.
14. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1267. – Оп. 3. – Д. 90.
15. Общество «Украина». – Письмо Н. Сабича от 19.12.1963.
16. Речь преподавательницы на курсах русского языка Галины Ивановны Волос // Родной голос. – 1981. – 10 дек.
17. Теребей, З. Воспоминания / З. Теребей // Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.). Зборнік дакументаў і ўспамінаў / С. Шабельцаў (склад.). – Мінск : Медысонт, 2009. – С. 317–323.
18. Гайлевич, В.И. Краткий очерк основания и развития белорусских культурных организаций в Аргентине / В.И. Гайлевич // Беларус. илюстрир. календарь на 1947 г. – 1946. – С. 26–33.
19. Шишка, В. Крокодиловы слезы / В. Шишка // Новая Газета. – 1939. – 29 окт. – С. 2.
20. Белорусская эмиграция в Аргентине и ее Культ-Организации // Беларус. илюстрир. календарь на 1943 г. – 1942. – С. 78–84.
21. Сергеев, А. О Русском Культурном Центре / А. Сергеев // Звено. – 1945. – № 2. – С. 3.